

Бурчание

Сысой Никодимович Балагуров

Вы что, старики, с дуба рухнули?!

Читатели нашего журнала обратили внимание, что в последнем выпуске появился еще один бурчун преклонного возраста Устим Порфирьевич Прибауткин. И по многим вопросам бытия, в частности внутренней и внешней политике родного государства, он выразил резкое несогласие с Сысоем Никодимовичем Балагуровым. Эти явно стариковские разборки нашли живейший отклик в Интернете. Ниже мы приводим наиболее интересные суждения наших читателей:

«Вы что, старики, с дуба рухнули?! Чего вы собачитесь по пустякам?! Какой вы пример подаете неокрепшему молодому поколению?! Небось оба с германцами воевали, кровь за Родину проливали. Ну, есть между вами разница, как без нее! Сысой, видать, победнее живет, пенсия у него меньше, самосад курит. А Устим явно больше получает, судя по купеческой жилетке и ладной бороде. Так ведь у каждого по своему жизнь складывается. Прекращайте грызню!»

Егор Зуев, Краснодар.

* * *

«Я вот вам что скажу, Сысой и Устим, вы бы поменьше рассуждали о политике. Не ровен час, придут к вам органы и разберутся по первое число! Это при Горбачеве можно было за базар не отвечать. А теперь фильтруйте базар!»

Леха из Нижнего Тагила.

* * *

«Ребята, давайте жить дружно! В сущности Карл Маркс с Фридрихом Энгельсом были абсолютно правы в своих выводах, заявляя, что образ жизни порождает образ мыслей...»

Соломон Цукерман, Израиль, Хайфа, 99 лет.

* * *

«Сысоюшка, Устимушка! Может кто из вас холостой, разведенный или вдовый. Я проживаю в Поволжье, домик свой имею в деревне, кое-какое натуральное хозяйство. И на переезд я тоже очень даже согласная. Целую обоих...»

Варвара Харитоновна, вдова уж 30 лет.

* * *

«Давно пора порядок в стране наводить! Всех кровососов к ногтю прижать!»

Булдыгин, полковник запаса.

Устим Порфирьевич Прибауткин

КОРОТКИЙ РАССКАЗ

Владимир Горбань

ОКАЗИЯ

Два известных профессора- орнитолога возвращались с утренней экскурсии. Полуденная жара уже закралась под пышные кроны деревьев не густого леса, пение умиротворенных духотой птиц смолкло, полыхающее солнце слепило глаза. Однако, оба старика выглядели весьма свежо, живо вели малопонятную нам беседу, часто употребляя жуткие термины, латынь и смачные словечки, укоренившиеся в лексиконе коллег еще со студенческих лет.

Ежики незатейливых причесок, отливающие почтенной сединой, остренькие редкие бороды, высокие лбы, изрезанные мелкими поперечными морщинками, худые шеи с навешанными на них биноклями и фотоаппаратами и шныряющие во все стороны выразительные глаза делали старичков почти неотличимыми друг от друга.

Ловко вскарабкавшись по склону песчаного холма, Александр Викторович Облаков первым обнаружил оказию.

-Коллега! - вскричал он восторженно, - Смотрите, Владимир Ильич, вы видите?

-Да, Александр Викторович, я ее еще чуть раньше заметил, почти у самого подножия холма, - спокойно произнес профессор Бараев.

Кого её? - недоуменно спросил Облаков.

-Ну, как же. В ста метрах на северо-восток на сухом одиноком тополе я вижу молодую самку ушастой совы.

Профессор Облаков на мгновение опешил. В ста метрах на северо-восток на сухом одиноком тополе он отчетливо видел обыкновенного сыча.

-Коллега, - напевно протянул Облаков, - это же самец обыкновенного сыча. Обратите внимание на его характерную посадку, на то, как он головой крутит, наконец.

-Мой друг, вы несколько ошиблись, - с едва заметной укоризной сказал Владимир Ильич, поднимая бинокль к глазам. - Вы посмотрите на уши, уши-то как явно торчат. А когти? Где вы видели такие когти у сыча?

-Коллега, - нервно заикаясь от нахлынувшего волнения, спросил Облаков, также разглядывая предмет спора в бинокль, - Какое у вас увеличение?

-Двенадцать крат - гордо ответил Бараев.

-То-то, Владимир Ильич, то-то. С вашим то, увеличением, - и он сочувственно махнул рукой. - Не то что в лесу, в женском общепитии делать нечего. Вы на клюв посмотрите. Вы обратили внимание на клюв?

-Да что клюв? Что клюв! Вы что не видите, дорогой Александр Викторович, что у этой птицы глаза светло-желтые? Вы в каком университете учились?

-Ну, знаете, Владимир Ильич, - преднамеренно растягивая слова, съязвил Облаков, я вижу, разбираетесь вы в ночных хищниках, как моя вторая теща в эволюции грызунов.

-Что?! - вспыхнул Бараев. - Это я то не разбираюсь? А кто по вашему написал монографию по полярной сове? Кто защитил докторскую по орнитофауне Нижнего Поволжья? И кто читал лекции по зоологии позвоночных в нашем университете до недавнего времени?... Хм, я не разбираюсь... Подумаешь, специалист выискался.

-Что вы в меня пальцем тычете? - обиженно воскликнул Облаков. - Я автор семнадцати статей и двадцати одного тезиса по хищным птицам!... И печатаюсь, между прочим, в авторитетных журналах.

-Что? Журнал «Биология и домоводство» вы считаете авторитетным журналом? Боже мой, какая наивность! Вы бы еще в «Мурзилке» напечатались.

-«Биология и домоводство»? А что, нет? Да

его главный редактор академик Бурев ученый с мировым именем, один из известнейших специалистов по экологии домашних птиц!

-Кто! -Бу-рев? - ядовито усмехнулся Бараев, - Этот прыщ знаменитейший орнитолог? Этот законченный маразматик – светило? Да он даже не знает как ворону по латыни назвать! Это он то специалист? Ну, знаете, коллега!

-А кто-же, ваш прелюбезнейший Шламов - специалист? Тоже мне - деятель науки. И вы перед ним как собачка, ти-ти-ти,ти-ти-ти, на задних лапках. Уважаемый Савелий Петрович. Уважаемый Савелий Петрович! Как ваше бесценное здоровье? Ти-ти-ти, ти-ти-ти. Авторитетный ученый! Да над ним же весь мир хохочет. И как это такие бредовые мысли так обильно лезут в голову, посещают его могучий мозг? Вот уж действительно, дурные мысли могут прийти только в абсолютно дурную голову, примером которой и является то утолщение шеи, к которому вы с таким вниманием прислушиваетесь!

-Ах, вам милейший мой, не по нутру гипотеза Савелия Петровича? Ни вы, ни этот ваш сморчок из зоологического института ни черта в ней ничего не смыслите. Да что вы, собственно говоря, можете предложить взамен? Вы и вся ваша шайка - лейка?

-Что? Это моя-то кафедра - шайка-лейка?! Стыдитесь, Владимир Ильич. Эта ваш аспирант Кругликов сдал кандидатский экзамен по специальности лишь с третьего захода, а

соискатели защищаются по пятнадцать лет. Это ваш доцент Груздев вместо «млекопитающие» сказал «млекопитающиеся». Да где? На международном симпозиуме! - При чем здесь Груздев? – резко перебил его Бараев. Он уже второй год как на пенсии. Кстати, это вы были его официальным оппонентом по кандидатской. Что же не критиковали, а молчали в салфеточку?.. А то я смотрю, аспирантка Градова берет уже второй академический по факту очередной беременности.

-А что Градова? – затараторил Облаков, - При чем тут Градова? Я сам по себе, она сама по себе.

-Ладно, ладно, Александр Викторович, весь факультет знает о ваших шашнях. Стыдитесь хотя бы студентов. Уж я не знаю, право!

-А у вас, между прочим, дорогой Владимир Ильич ...

Так увлечено перебраниваясь, профессора неожиданно для себя уперлись в тот самый злосчастный тополь. Первым очнулся профессор Облаков. Он резко вскинул взгляд на верхушку дерева и оторопел. Его волнение пополам с жутким ужасом передалось Бараеву, тот победно ухмыльнулся и уверенно глянул вверх. Его улыбка мгновенно сошла с лица, которое тут же передернулось от налетевшего оболешения. На сухом тополе сидела не ушастая сова и не обыкновенный сыч. Это по весне юннаты прибили новый скворечник.

ДЕД ГРИГОРИЙ

Для многих станичников дед Григорий был личностью незаурядной, даже легендарной, своего рода местной достопримечательностью, родимым пятном. И о том, что он гонит самогон, причем самый лучший в округе, было известно всем от сопливых пацанов до дряхлых старцев. И никого это не удивляло, и даже можно уверенно сказать, зная привычки и обычаи станичников, что удивило бы их скорее обратное, а именно, если бы дед Григорий бросил заниматься своим любимым делом.

Сменялись генеральные секретари, рождались, вырастали и уезжали в город дети, неуклонно заглублялись окрестные овраги, периодически что-то преобразовывалось, менялось, но все это никак

не влияло на дедово пристрастие, на его природный, познавательный интерес, дотошность и смекалку. Не менялась и такса. Как стояла трехлитровая банка ядерного первача червонец, так и никакие разорительные реформы не поколебали дедовых взглядов на ценообразование. Ни у кого из местных и мысли не возникало затевать что-либо не хорошее против деда Григория. Да и как можно было затевать какую-нибудь пакость против всеобщего любимца. Однако, все же одно такое посягательство, сразу после печально известного указа о борьбе с пьянством и алкоголизмом, таки случилось.

От некоего Доброжелателя с красивым и ровным почерком местный участковый Сашка Хват стал регулярно получать анонимки, в которых неизвестный грамотей мастерски рассказывал всю звериную и кулацкую сущность деда Григория. А так как Сашка Хват был не особый мастак в канцелярском деле и, честно говоря, ни хрена не знал, что же он обязан делать с подобными депешами, да еще потому, что обличаемый доводился ему троюродным дедом, который частенько угощал своего внука целебным зельем, то подобная документация транзитом препровождалась в Сашкин сортир, где и аккуратненько подкалывалась на соответствующий гвоздик. Вот уж, действительно, бумага все стерпит!

Доброжелатель явно был нездешним, так как не знал реальных масштабов местной мафии, то есть и не предполагал даже, что не только председатель колхоза, но и все правление по веским причинам покрывало дедово увлечение. Кроме того, графоман оказался весьма настырным, и Сашка уже серьезно подумывал о том, чтобы не выписывать на будущий год газет: Зачем попусту тратиться, когда и казенную бумагу не успеваешь расходовать.

Но вдруг незнакомец замолк. Сашка не просто удивился этому, он обиделся до корней волос. Все же ему было приятно, когда в очередной раз к нему обращались на Вы, по имени-отчеству, официально и со значением. После таких писем Сашка надевал свой милицейский картуз, важно расхаживал по улице, по петушиному задрав голову, здоровался через одного и пренебрежительно

бормотал: «Ну ты мне еще поговори», - особо непочтительным станичникам. Однако Доброжелатель оказался гораздо хитрее и коварнее, чем это предполагалось. Он не успокоился и стал писать выше, аж самому начальнику РОВД Ивану Ивановичу.

Иван Иванович еще мальцом знал деда Григория. И не просто знал, а был им дважды бит хворостиной после того, как неудачно оба раза слазил в дедов огород за малиной. К тому же, вторая его теща доводилась племянницей деду Григорию. Иван Иванович строил свои отношения с тещей традиционно, и если сюда еще добавить детские обиды, то можно себе представить те глубокие чувства, которые переполняли вспыльчивое и капризное сердце усердного служаки, когда ему на стол легло аккуратное письмо без обратного адреса, но с неопровержимыми уликами.

Иван Иванович не привык мешкать. Он был научен принимать меры и потому предварительно прокашлявшись, а без этого командный голос не получался, он решительно, хотя и с восьмого раза, набрал заветный сельсоветский номер телефона. Заканчивался обеденный перерыв и потому трубку сняла бабка Лукерья, которая уже домывала полы и собиралась запирать сельсовет. Время стояло напряженное, сенокосное.

Иван Иванович постарался покультурнее объяснить нерадивой бабке, что завтра он де сам лично прибудет с обыском, что Сашка Хват нашел

заранее понятых, да потолковее, да чтоб те были трезвыми и что завтра спозаранку они будут «вязать деда Григория».

Однако речь у него получилась невнятная, неубедительная, слова подобрались какие-то невыразительные, и от всего сказанного веяло газетной казенщиной. Да и бабка Лукерья усомнилась в том, что звонит высокий начальник, аргументируя свое сомнение тем, что, мол, районное начальство так не разговаривает, а другое для нее не указ. Поэтому

CARICATURA.RU

- Нашли в кустах подозрительный предмет,
и решили расстрелять его из водяной пушки!

Иван Иванович еще раз, от души, как это водится, без стеснения, доходчивыми для бабки понятиями объяснил самую суть и напоследок пообещал содрать семь шкур и все такое прочее.

Теперь бабка усекала, прониклась важностью поручения и побожилась всеми святыми исполнить все как ей было дважды приказано. Иван Иванович бросил вспотевшую трубку на рычаги телефона, смачно выругался и для порядка устроил разнос своему шоферу, ибо знал твердо, попроси по-хорошему, завтра в самый ответственный момент либо колесо спустит, либо какая-нибудь гайка отвинтится, либо и то, и другое случится одновременно. И лишь выплеснув вскипевшие страсти наружу, Иван Иванович успокоился, пришел в хорошее

настроение и, насвистывая прошлогодний шлягер, взялся за составление плана-графика дежурства районного ДНД.

Бабка Лукерья в революцию была неплохим филером и точно знала, что Сашка Хват вторую половину дня проводит с полногрудой Любкой, рано овдовевшей блондинкой, которая в свои тридцать с небольшим лет не потеряла глубоких чувств и понятных желаний. Именно туда, на другой конец станицы и направила бабка Лукерья свои больные стопы и как могла, в меру своего дремучего склероза, передала суть приказа в миг обалдевшему при этом Сашке.

Тот стоял с выпученными глазами, без рубахи и босой на свежеевыкрашенном крыльце и не мог понять, то ли бабка съехала с ума, то ли дело действительно «труба» и надо срочно что-то предпринимать.

Но тут выскочила бесстыжая Любка, вся покрасневшая и взволнованная, с распущенной косой, в замызганном, наспех наброшенном халате, перекинулась с бабкой матюгами и сделала следующее заключение: деда Григория надо срочно спасать.

Дед Григорий жил у Любки в соседях, если мерить напрямки огородами, то метров триста, так что Сашка, чтобы не терять драгоценного времени, прямо полунагишом, без рубахи и сапог ломанулся по картошке, сигая из стороны в сторону, будто затравленный заяц.

Дед по своему обыкновению сидел на крыльце и мастерил сигарки. При виде несущегося Сашки дед приподнялся на ногах, приложил руку к папахе, но все равно не признал охальника и в сердцах обложил участкового отборным фольклором на предмет варварского топтания грядок.

Сашка подлетел к деду и долго сбивчиво объяснял, крутил в воздухе руками, показывая в сторону райцентра, говорил, что все флаги надо срочно опорожнить, вымыть, аппарат обязательно спрятать в надежном месте, что делать все это надо срочно, прямо сейчас, а то будет поздно, что горит деду большущий штраф, и что если нужно, то он попросит Любку и та ему во всем поможет.

Дед Григорий воспринял такую весть без эмоций, успокоил Сашку, налив ему два стакана по двести первоклассной бражки, и пообещал к вечеру навести у себя полный порядок. Сашка довольный и под «мухой» вернулся к Любке доедать поостывшую яичницу.

Дед же вошел в избу, окинул хозяйским взглядом свой пятистенок с одиннадцатью окнами, заглянул поочередно в каждую флягу.

Эту пору перегонять, вон та подоспеет через два дня, эта еще играет, а вон ту только вчера зарядил. Ну, как такое богатство вылить? Да пропади они все пропадом! Да не выдержит же его, не знавшее инфарктов, но одинокое и измученное бесконечными обещаниями лучшей жизни сердце такой потери. Старуха померла, дети давно поразъехались. Самогонование было вовсе не наживой, а единственным увлечением, последним интересом в жизни. Отними его – и нет деда.

Первую флягу дед к вечеру выгнал. По старому обычаю казаки вбивали в подоконники сбоку гвоздики, а зимой подвешивали на них пустые бутылки и сконденсировавшаяся на стеклах влага по каплям стекала в них. Дед Григорий снял с гвоздиков пустые бутылки, заполнил их самогоном и подвесил вновь. А в освободившуюся флягу налил кипятку, добавил немного стирального порошка, побултыхал содержимое тряпкой. Да разве же отмоешь этот въедливый запах! Пустая затея. Захлопнул дед крышку, выкатил флягу на видное место, укутал ее телогрейкой и отправился спать.

А на утро, чуть свет, подкатил к дедову

крыльцу «уазик» и из него вышли в порядке важности Иван Иванович, его заместитель по политической части, Сашка Хват, Егор Меринов и Степан Полуянов. Двое последних были представлены деду как понятые. Дружно ввалились в избу, сладкий запах бражки с потрохами выдал деда. Иван Иванович открыто злорадствовал. Сашка угрюмо смотрел в сторону, понятые тайными знаками давали понять деду, что они тут ни при чем, подневольное, дескать, дело.

Стали составлять протокол. Иван Иванович открыл первую флягу, нюхнул содержимое и радостно законстатировал: бражка. А дед гнет свою линию: не бражка и все. Судили-рядили еще пару минут, а затем Иван Иванович решил произвести экспертизу на месте. Подозвал он первого понятого, помятого, болеющего с похмелья мужика, зачерпнул до краев литровую кружку из той самой фляги и протянул на пробу. Тот отхлебнул, скривился весь и выдал печальный результат: не бражка. Ну что ж, его, Иван Ивановича, не объегоришь, он-то знает, что там во фляге. Это Егор покрывает деда, не хочет выдавать старика. Что ж, ему это зачтется. Подозвал Иван Иванович второго

понятого, тот хлебнул из кружки и тоже мямлит: не бражка, мол. Ладно, и ему это просто так не пройдет! Сашка Хват попробовал из кружки, аж передернулся весь и тоже туда же: не бражка и все.

И какого же было удивление районного начальника, когда и его зам по полит части, бывший инструктор райкома партии, отрицательно покачал головой. Тут уж Иван Иванович не выдержал, он понял, что они все сговорились против него. Но ведь его все равно не проведешь, он то вкус браги знает хорошо, и после короткого ехидного тоста за здоровье деда и всех присутствующих он одним махом ахнул из кружки сам. Дыхание его тут же перехватило, рот наполнился противной вонючей пеной, желудок съёжился. Иван Иванович стоял посреди хаты с пустой кружкой в руках, пузыри на его губах быстро надувались и переливались всеми цветами радуги. Сквозь них он спросил у деда о той дряни, которая находится у него во фляге.

Дед Григорий был мужиком основательным, рассудительным, спешки не любил. Дело, мол, обычное, бабка у него недавно представилась, а соседские старухи, которые ее отпевать приходили, строго-настрого наказали, что воду, в которой ее обмывали, по старому поверью, нельзя полгода выливать. И

никакая это вовсе не бражка, а та самая вода, в которой бабку, перед тем как похоронить искупали.

Рвота открылась у всех пятерых одновременно. Иван Иванович, загремев в

прихожке помойными ведрами, тараканом вылетел во двор, матерно охая, сквозь лопающиеся мыльные пузыри.

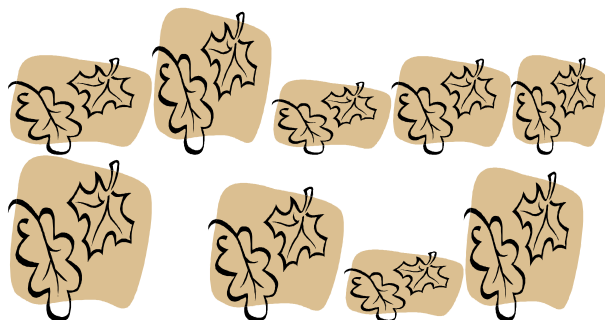
«Узик» удалялся, прыгая на кочках так, что на повороте отвалилось запасное колесо. Начальник милиции спешил в районную больницу промывать желудок.

А дед Григорий стоял на своем покосившемся крыльце и застенчиво улыбался в усы, попыхивая сигаркой. День только начинался, настроение было хорошее.

А вот кто наклеузничал на деда, так до сих пор и неизвестно.

ШЕНКЕЛЯ ДЛЯ ПЕГАСА

Владимир Горбань

* * *

*Вот театр выставляет у подъезда
билетера в синем парике,
и стоит стареющий опездол,
как триумф реакции Перке.*

СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВ
«Волга», №12, 1993 г.

РЕАКЦИЯ ГОЛОВЫ

Всем нам поголовно в милом детстве
Делали реакцию Перке, -
Некое, вколлов в ручонку средство,
А потом годами по руке

Нет ли у дитя туберкулеза.
И обычно не было. Затем,
Если верно рассчитали дозу,
От укола не было проблем.

Не дай бог, коль передозировка!
Или вколют что-то не туда...
Тут же отключается головка
И с дитем случается беда.

Вдруг дитя становится поэтом.
Лихо он рифмует ерунду.
Он всю жизнь рифмует. И при этом
Даже без реакции Манту.

*Я очень не люблю стихи
Точнее я их просто ненавижу
А как поэта не дай Бог увижу
Так сразу прятаться бегу под стол и в лопухи.*

НИНА ИСКРЕНКО
«Волга», №4, 1992 г.

ПРИЗНАНИЕ ПАРОДИСТА

Я очень не люблю стихи,
В которых чувств и мыслей нет.
В иных строках такой срифмован бред,
Что даже вянут от позора лопухи.

Иных поэтов же, едрена мать,
За глупость я ужасно ненавижу.
Когда стихи в журнале их увижу,
Спешу к столу пародии писать.

* * *

*С летучих рыб соскальзывает кожа.
На месте жабер вырастают железы.
Они поют, они теперь дорожке,
Чем лучший форвард сборной Нидерландов.*

СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВ
«Волга», №12, 1993 г.

О ГОНОРАРАХ

Из года в год становятся дорожке
Инсайты, форварды, и вратари.
Они полжизни лезут вон из кожи,
Топча газон с рассвета до зари.

И тренируясь до восьмого пота.
Футбол как зрелище всегда в цене.
Иной хавбек дорожке самолета,
Министра почитаемей вдвойне.

Плохой поэт подобен тухлой рыбе,
Хоть вместо жабер у него и железы.
Он думает, что он такая глыба!
Что выше, чем заоблачные Анды!

На самом деле стихотворец этот
Не нужен никому задаром.
Ведь даже гениальному поэту
Копеечные платят гонорары.

ВЕСЕЛЫЙ ПАРНАС

Владимир Горбань

Константину Мелихану

Он джентльменистее принца из Уэльса.
Усат и лыс. И что-то вроде пейсов
Я как-то видел на телеэкране,
Хотя мудреть ему пока что рано.

Но аура его светла как зори,
Встающие под башнями Виндзора.
Ему восхода я желаю, не заката,
Хоть он меня в «Авроре» не печатал!

Михаилу Мишину

Писатель он от Бога- это точно!
Читается построчно и межстрочно.
Актерски гениальнейши сценичен,
Но стал он почему-то не публичен.

Лишен телеэкран его харизмы,
А вместе с нею умных иронизмов.
Собчак и Галкин переполнили экран.
Мы это, Михаил, не одобрям!!!

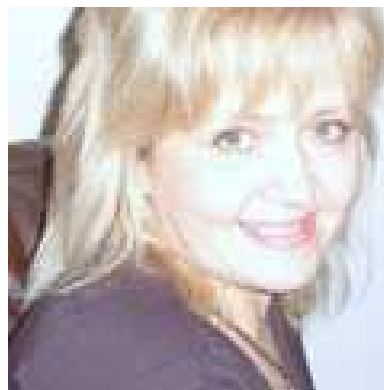
Игорю Иртеньеву

Ты помнишь, Игорь, как мы пили водку
На «Кинотавре» в прошлом век? И вначале
Вокруг нас бегали какие-то красотки,
А мы их вроде как не замечали.

Не буду продолжать я тему эту.
Тебе желаю творческих удач.
А также долгие тебе желаю лета
И пусть несется жизнь, как прежде вскачь!

Владимиру Вишневскому

Законы жанра: чем короче, тем трудней.
Иную шутку полируешь много дней!

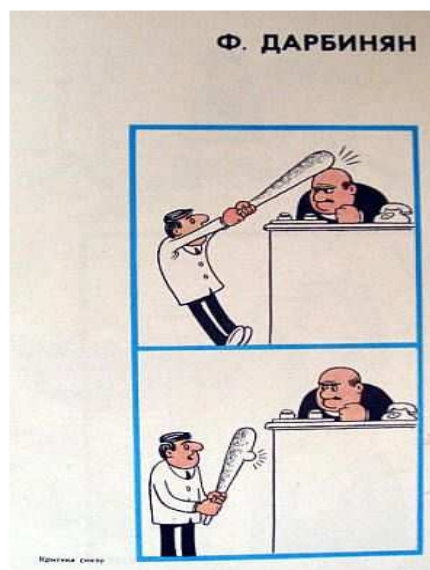
* * *

За окном в ночи пустой
Хлещет дождь осенний.
И в душе моей настрой
Грусти беспредельной.

Залезаю в Интернет
И, о боже! Ужас!
Обнаруживаю, нет
Мне письма от Музы.

Ставлю чайник на плиту,
Упиваюсь кофе.
Я скажу начистоту:
Мне без Музы плохо.

И закуриваю я
С мыслями тревожными.
Еще сутки ждать тебя
Тяжко невозможно!

Большой привет с Малого Узенья
Ершовские авторы несерьезного жанра

Геннадий Мещеряков

Бес... грамотный

Над Заволжском нависла щекастая туча. На дома, лужи, лица прохожих легли тени. Настроение было прескверным: выгнали с работы по несоответствию занимаемой должности. « На редкость безграмотный», - сделала вывод аттестационная комиссия, а ее председатель намекнул на книгу рекордов Гинесса, насчитав в его заявлении пять слов который. Таким, говорит, не пресс- центр нужен, а пресс- молот рельсы гнуть. Шутник длинноносый. Сам недавно костыли забивал на железнодорожных путях, поэтому и горбатится, а корчит из себя Гоголя. Вот напишет он повесть «Вечера на хуторе близ Дьяковки». Глава там не просыхает, ведьмы и черти, считай, в каждом доме. Есть и кузнец, по выражению хуторян, немножечко глупой. Телеги выдает с запасным колесом, а полозья санок загибает с обеих сторон, чтобы не

разворачивать.

Начнет свою повесть так, решил он: «Дьяковка была идентична Диканьке. Ночью фонарь горел только у дома местного главы, который еще спал и у которого до опохмелки оставалось время.

Прокукарекал петух, который спросонья перепутал крякающую птицу с хохлаткой и в хвост которого вцепился ревнивый селезень». Потрясно! Чем не Гоголь? А как к месту сказано: «идентична», вычитал на пакете с чаем: «идентичный натуральному». А то: нет у него запаса слов. Неизвестно у кого больше, препирался он с ехидными членами комиссии.

Кстати, в Дьяковке открылась столовая для безработных. Если прокиснут щи или каша, повар пишет в меню: «идентичные натуральным». Такой вот пройдоха, лет десять варил баланду зекам на зоне.

Пол-хутора часами бывало просиживали за околицей или в лопухах у сельского клуба. Для другой половины это хорошо – не рыщут по дворам, да и чем -то заняты, приобщаются к культуре.

В Заволжске закрыли общественные бани: после реформирования все службы ЖКХ стали частными. А кто будет работать себе в убыток? Подняли плату за ходку с веником до 200 рублей с носа, и сразу втрое стало меньше чистых горожан. От некоторых запахло.

Смекнул он, что есть тут выгода, и, была все же у него предпринимательская жилка, соорудил во дворе своего дома из глины,

соломы и старого забора баню. Хотя и не идентичную общественной, но с предбанником, каменкой из брусчатки, которую выкопал из грязи на соседней улице.

Теперь его банька постоянно курилась дымком. Сначала обслуживал соседей, потом – их знакомых. И вот пошли заказы. Молодежь, особенно деповская, ходит парами. Иногда пососут пивка, перебросятся в карты, но без пережогов и лишних ходок. Навар? Даже пятаки не стал считать. А они: «безграмотный». Какие дураки! Скорее бес грамотный. Кто им будет собирать липовую информацию, говорить о том, чего нет. Длинноносый что ли? Хрен с ними. Скоро он создаст свою службу быта «Мочалка и веник».

Впервые за многие годы он вздохнул легко и свободно, разорвав невидимые путы извечной боязливости и непротивления.

Конкурс

В балке задержалось облако тумана, в котором купались кони- подростки, их игривое ржанье доносилось до ипподрома конефермы, где шли скачки.

Среди зрителей – большой начальник из района Глеб Гаврилович Рожев и старший тренер Илья Хомутов. Слегка под мухой, хлопают в ладоши.

-Как, говоришь, зовут победителя?- спросил большой начальник.

-Гром, сегодня последний раз бегал. Хватит.

Каких только призов у него нет. Если все повесить на грудь – будет вылитый Леонид Ильич,- хихикнул старший тренер,- теперь на отдых.

-Или на колбасу,- задержался щеками гость из района.

-Нет, кобыл будет объезжать, жеребец племенной, дороже твоего «Хаммера».

-А давай- ка, Илья, выпьем с ним за его победу коньячку грамм по сто, а?

-По сто грамм мы всегда ему даем после скачек, для восстановления сил. Моя методика,- похвалился старший из тренеров. Большой начальник пришел в восторг:

-А давай мы проведем конкурс между конем и человеком – кто больше выпьет и не свалится: в книгу рекордов попадем,- предложил он, потирая руки от предстоящего неповторимого действия.

-Ветврач наш, девка красивая, но упертая, может встать на дыбы, если увидит. Вставить бы ей удила в зубы да шпорам.

-Тоже мне – скотский врач, профессоров обламывали. Давай, веди Грома.

Недалеко от конюшен за ометами лугового разнотравья стоял «Хаммер». Облако тумана в недалекой балке почти рассеялось и было по колено жеребят, бегающим все время наперегонки – еще бы: будущие рысаки, уже звал их к подвигам состязательский дух предков. Ближе к ометам расположились трое – большой начальник, старший тренер и Гром. Пили коньяк.

Говор, если прислушаться, все больше походил на лошадиный. Гром, казалось, уже сидел на куче сена, приготовленного к раздаче. Ему заливали коньяк в рот стаканчиками, давая на закуску кусочки сахара. Гром млел от удовольствия.

-Так. По шестнадцатой,- еле выговорил большой гость, опрокидывая порцию благородного напитка.

-По шестнадцатой, - сделал то же самое старший тренер.

-Ио-го-го!- проглотил вылитый в пасть коньяк Гром.

Нарушила идиллию девушка на коне в костюме наездницы. Волосы ее развевались на ветру, на загорелом лице сверкали синюющие глаза.

-Женщина – кентавр. Откуда?- спросил начальник.

-От верблюда, спешила девушка.

-Так ты амазонка? Может быть, меня оседлаешь? Я тоже из породы рысаков.

-Вам бы в стойло пора, как и Грому. Боюсь, всех кобыл покроет, вон как возбудился.

- Кто ты такая?

-Ветврач, Светлана. А вы кто?

-Я тут команду. Вот пьем с конем на спор, кто кого. Пока равенство.

- И сколько уже пропустили?

-По шестнадцать триньков,- икнул большой начальник.

-Офигеть. Копыта отбросите. Прекратите спаивать коня. Вы давно втянулись, а он только по глоточку.

-Ио-го-го!- кто из них заржал, не поняла Светлана.- По глоточку! Так у него глоточек полведра.

- Илья, не стыдно: в собутельники коня взял. А

еще старший тренер.

-Не вставай на дыбы, Света, все под контролем. Пьем только пятизвездочный, а Грому скакать больше не надо, он уже пенсионер, с кобылами только.

-Он жеребец, не понимает, вы же люди, хотя,- махнула рукой,- далеко от него не ушли.

-Послушай, ветеринар, не мешай проведению первого российского конкурса между человеком и конем,- поднялся на ноги большой начальник. Он был вдвое выше Светланы.- Иди отсюда, ставь кобылам клизмы, обижусь...

Илья делал ей знаки, кривил рожу, предупреждая, чтобы отстала.

-Вон как возбудился,- не нашлась что сказать Света.

-Еще по одной – и все на тебя набросимся.

-Ио-го-го! - заржали все трое, пугая в загоне кобылиц.

Первым свалился в стог и заснул, вдыхая аромат лугов, старший тренер, потом опустил отяжелевшие веки большой начальник. И только Гром бегал вокруг них, хватая губищами рукава рубашек и вылизывая остатки коньяка в стакане.

Подъехала Светлана.

-Хоть с конем, хоть без коня – результат один. Пойдем, Громушка, от греха подальше,- и повела его недовольного под узцы в конюшню.

Сумасшедший доктор

Поехали на Иргиз за грибами. Тут река делает зигзаг и течет себе навстречу. После жаркой степи лесистые берега казались тайгой. Тень, прохлада. А ковер из прошлогодних листьев – мягкий, ноги тонут до щиколоток. Искать под ним грибы - нужен навык, но кое-что нашли, то ли сыроежки, то ли волжанки.

Это дерево росло рогаткой и я, дурак, забрался на него. О-го-го!- далеко разносился мой голос. Ау-ау,- отвечали со всех сторон коллеги, боясь заблудиться, но при всем желании не сделали бы этого: с одной стороны – степь, с другой - извилистое русло Иргиза.

-О-го-го!- вновь загоготал я и, сорвавшись,

полетел вниз. Упал-то на ковер, но с сучком в спине.

Перепугались коллеги, увидев мое перекошенное от боли лицо и торчащий из спины сук: не насквозь ли проткнуло бедолагу.

Засуетились, заголосили бестолково.

-Заткнитесь,- гаркнула Анна Гавриловна.- На другом берегу Иргиза сумасшедший дом, надо привезти медика. Давай, Петя, поехали.

Она вскочила в «козла», так мы называли редакционную машину ГАЗ-69, за ней – водитель, успевший выбросить нам аптечку. Йод и вата с бинтом там были.

Машина укатила к переливной плотине, а оставшиеся занялись мной. Двое числились в военкомате медсестрами, но все бестолку – только измазали меня йодом.

Ждали мы долго, но, наконец, подкатил «козел», из которого вместе с нашими вылез маленький толстый человечек.

-Где тут раненый, - в руках он держал бутылку водки и сумку с хирургическими инструментами. Осмотрев меня, протянул бутылку:

-Пей и не бойся.

-Сколько пить,- спросил я дрожащими от страха губами.

-Всю пей.

Потом он, как мне рассказывали, зажал кончик сучка щипцами и рывком вытащил его. Вот тут пригодился йод. Доктор зашил мне рану и похлопал по плечу:

-До свадьбы заживет,- в глазах у него мелькнуло что-то дьявольское.- Трудно будет - приезжайте к нам в психушку.

-Уж лучше вы к нам.

-Приеду, годок остался.

Когда его увез Петя, я спросил журбабу Анну Гавриловну:

-Почему он так сказал?

-На поправку пошел, через год обещали выписать из дурдома.

-Так он сумасшедший?- пьяно выговорил я.

-Он действительно доктор, но свихнулся: жена с любовником укатила за кордон,- объяснила журбаба.

-Радоваться бы надо,- неуверенно пробасил фотограф Дмитрий Порфирьевич, от которого, говорят, уже три жены сбежало.

Разные люди. Разные нравы.

ПОВЕСТЬ

Владимир Горбань

Царская опрометь
(Политсказка)

Гл. 15.

-Ставлю вопрос на голосование,- сказал Иван Простак,- настоящих имен и фамилий в протоколе в целях конспирации предлагаю не называть. Голосование предлагаю поименное, то есть попсевдонимное. Кто за то, чтобы наша оппозиционная партия приняла активное участие в демократизации и возрождении нашей державы, в парламентских и президентских выборах! Кто «за»?

Против проголосовал Серый Волк.

-Кто «против»?

Так как Красная Шапочка еще не решила «за» она или «против», соображала она медленно, да и предприятие было весьма рискованным, то она смущенно подняла руку.

-Все ясно,- сказал Иван Простак,- согласно уставу нашей демократической партии, меньшинство исключается из ее членов. Попрошу Серого Волка и Красную Шапочку немедленно покинуть наше собрание!

Меньшинство, взявшись за руки, чтобы не потеряться в темноте чердака, безропотно потянулось к выходу.

-Ничего, Красная Шапочка,- утешал ее Серый Волк,- мы с тобой создадим свою демократическую партию, партию меньшевиков. Нам с радикалами не по пути! Я

буду председателем новой партии, а ты - моим первым заместителем.

-Здорово!- восхитилась Красная Шапочка. - Я всегда мечтала стать видным партийным деятелем!

Большевики задержались на чердаке еще на полчаса, разработали программу-минимум и программу-максимум, обсудили стратегию и тактику выборной кампании, всласть попели революционные песни.

Меньшевики собрались на конспиративной квартире и с упоением занялись тем же самым.

Сотрудники тайной полиции тоже не сидели, сложа руки. Они создали свой предвыборный штаб, оснастив его новейшим компьютерным оборудованием, средствами связи, транспортом. К работе были привлечены лучшие журналисты, психологи и специалисты по промыванию мозгов.

Царь тоже лишь делал вид, что он не сильно озабочен предстоящими предвыборными баталиями. Накануне он встречался со своим флигельадъютантом, который ненадолго для консультаций уезжал за кордон. Флигельадъютант как мог, отговаривал Царя от его опрометчивой затеи. Он предлагал не спешить с политическими преобразованиями, подготовил подробный доклад, в котором намечал ряд мер экономического характера, позволяющих провести реформы в богатейшей ресурсами стране без шоковой терапии. Но Царь был непреклонен. Он спешил. И его спешка была непонятна флигельадъютанту. То ли Царь решил выпендриться перед всем миром, то ли Нобелевскую премию захотел, то ли с потрохами купили его закордонные спецслужбы.

-Партию надо срочно создавать!- кричал Царь.

-Да есть же у нас партия,- парировал флигельадъютант.

-Нам другая партия нужна, демократическая!

-А где мы столько демократов наберем?

-Страна большая!

-Страна то большая, народу много. Только среди народа десять процентов - карьеристы, а остальные девяносто процентов - пофигисты. Ну, создадим мы другую партию. Если она станет правящей, в ней соберутся все карьеристы. Победит на выборах другая партия, карьеристы туда перебегут. Зачем городить огород? Все карьеристы и так сейчас в нашей партии.

Гл.16.

В среду с утра любознательный народ тонкими струйками потек через полицейские кордоны на главную площадь стольного града. Властями был санкционирован митинг в поддержку перестройки и демократии.

На высокой, наскоро сколоченной трибуне, уже второй час выступал Кошей Бессмертный, уличая правящий режим в диктатуре, призывая к свободе и гласности. Закончил он свою эмоциональную речь чрезвычайно высокопарно:

-Кровавый режим пал! Вся власть Вече! Изберем достойнейшего кандидата от народа!

Кошей указал пальцем на Ивана Простака:

-Вот он, патриот, интеллигент и диссидент! Бывший узник совести! Я призываю вас отдать за него свои голоса! Призываю...

Шквал аплодисментов заглушил его последнюю реплику. Овации долго не смолкали. Наконец, Кошей Бессмертный уверенным жестом призвал толпу к тишине и предоставил слово следующему оратору.

-Я, товарищи, простая труженица атомной электростанции. Мой отец-лейтенант Шмидт был репрессирован в годы великого террора. Папа был честным и мужественным человеком. Он искренне ненавидел царскую диктатуру. В своем предсмертном политическом завещании мой отец выразил глубокую веру в то, что наша держава воспрянет ото сна и на обломках диктатуры изящным резцом скульптора высекут имена всех поборников правды и справедливости! Вся власть Вече! Я призываю всех детей и внуков лейтенанта Шмидта поддержать на выборах кандидатуру Ивана Простака! Мы давно знаем...

Взрыв рукоплесканий и одобрительный свист заглушил ее последнюю фразу. Женщина покинула трибуну и новый оратор обратился с речью к толпе:

-Я, товарищи, простой труженик простого НИИ оборонного машиностроения. Мой отец-капитан Грант был репрессирован в годы кровавой диктатуры. Папа стал жертвой гнусной клеветы и инспирированных заговоров. Своим палачам перед смертью он

бесстрашно крикнул в лицо: «Да здравствует свобода! На багряных знаменах, под которыми мы монолитными когортами пойдем вперед к победе демократии есть и его весомая капля крови! Да здравствует Вече! Я поддерживаю кандидатуру Ивана Простака и призываю всех детей и прочих родственников капитана Гранта отдать свои голоса за самого достойного из нас...

Его пламенные слова потонули среди возбужденных криков всеобщего одобрения и ликования. Народ еще долго бил в ладоши и скандировал:

-Ива-на! Ива-на! Ива-на!

Иван Простак походкой триумфатора подошел к трибуне. Народ притих, ожидая услышать что-то важное.

-Друзья мои, соотечественники!- кричал Иван в мегафон. - Кровавый режим пал! Да здравствует Вече! Человек-венец природы! Каждый человек рожден для счастья! Мир! Труд! Май!

Раздался неопиcуемый шквал всеобщего ликования. Иван Простак долго аплодировал себе вместе с народом. Примерно через полчаса он выкрикнул еще несколько полезных лозунгов:

-Демократия и гласность! Свобода, равенство и братство! Перестройка-кратчайший путь к всеобщему счастью!

А в толпе тем временем сновали шустрые молодые люди, подсовывая митингующим на подпись заранее заготовленные листки с резолюцией митинга. Один такой молодой человек просунулся к дяде Володе, геологу, который две трети своей жизни провел в таежных краях.

-Подпишите,- предложил молодой человек, пряча взгляд.

-Зачем?- удивился дядя Володя.

-Как зачем? Вон же все подписывают.

-А почему я должен поступать как все? У меня своя голова на плечах.

Гл. 17.

А в это время в тронном зале собралось тайное совещание. Выступал Царь:

-Товарищи, соотечественники, страна переживает крутой, переломный этап. Демократия и гласность робкими шагами входят в нашу повседневную жизнь. Трудно идут

преобразования, товарищи. Народ всколыхнулся, пробудился ото сна. Мне известно. Что на главной площади столицы собрался многотысячный митинг в поддержку перестройки. Народ с нами, товарищи! Сейчас мы должны единодушно осудить наше кровавое прошлое и посмертно реабилитировать невинно пострадавших лейтенанта Шмидта и капитана Гранта. Я объявляю манифест, в котором дарю народу демократию, гласность и всяческие свободы. По Конституции, которая была всенародно одобрена, мы с вами должны избрать в Вече десять человек от номенклатуры. Я этот список уже составил.

Волнительный трепет пробежал по рядам номенклатурщиков.

-По Конституции Вече избирает президента страны,- продолжил Царь. - Я, думаю, товарищи, вы все прекрасно понимаете какой это ответственный пост. Я также думаю, вы отчетливо понимаете, что в этот крутой и переломный момент очень важно сохранить преемственность власти. Я правильно думаю, товарищ Горыныч?

-Правильно, ваше величество.

-А они правильно понимают?

-Правильно, ваше величество.

-Вы со всеми кандидатами в депутаты предварительно побеседовали, товарищ Горыныч? Все в курсе?

-Со всеми, ваше величество.

-Так может, кто-то выступает против перестройки, обновления, гласности и демократизации? Не стесняйтесь, товарищи, открыто высказывайтесь,- язвительно предложил Царь, вцепившись в скипетр.

-Нет! Нет! Да здравствует демократия!- дружно раздалось в зале.

-Ну, вот и хорошо. Стало быть, консенсус достигнут,- сказал Царь, не выпуская из рук скипетра. - Товарищ генерал, зачитайте список кандидатов в депутаты Вече от номенклатуры.

Змей Горыныч поднялся на трибуну, долго цеплял очки на нос средней головы, потом старательно разложил перед собой листочки бумаги и грозно осмотрел номенклатурщиков, сидевших рядами перед ним с притаенным дыханием.

-Дело, товарищи, новое, поэтому есть мнение избрать в Вече людей проверенных. Есть возражения?

-Нет! Нет!

Очередная волна трепета пробежала по рядам.

-Предлагаю следующие кандидатуры: Царь, Змей Горыныч, Соловей Разбойник, Карабас Барабас, Пугало, Илья Муромец, Колобок, Курочка Ряба, Кот в сапогах, Золушка. Есть возражения по данным кандидатурам?

-Нет! Нет!

-Вот и хорошо. Консенсус достигнут,- подвел итог шестиглазый генерал. - Все выдвинутые кандидаты хорошо всем нам известны. Они составляют элиту нашей номенклатуры. Я полагаю, не нужно обсуждать их кандидатуры персонально. Есть возражения?

-Нет! Нет!

-Предлагаю голосовать за весь список. Кто «за»? Тайга рук выросла над головами присутствующих.

-подавляющее большинство,- заявил Змей Горыныч.- Товарищ Норушка, так и запишите в протоколе «подавляющее большинство».

А вот на тех, кто в суматохе проголосовал «против» даже не обратили внимание.

Гл. 18.

-От лица нашей номенклатуры,- взял заключительное слово Царь,- я поздравляю избранных депутатов Вече и прошу их остаться для обсуждения некоторых программных основ нашей депутатской фракции. Остальные свободны, товарищи!

Неизбранные в депутаты товарищи недовольно направились к выходу. Конечно, никакого консенсуса в таком карьерном вопросе быть не могло. Многие заслуженные номенклатурщики не стали депутатами.

-Вот так всегда,- в коридоре обиженно шептал на ухо провинциальному чиновнику Конек- Горбунок,- ты пашешь, как проклятый, выполняешь всю черную работу, а все лавры и блага другим достаются. Разве я не прав?

-Ничего,- зло ответил ему провинциальный чиновник в парадной тюбетейке,- в условиях демократии и политических свобод республики страны не позволят к себе такого наплевательского отношения. Мы заставим и депутатов Вече и президента с нами считаться! Завтра же заявим об отделении от центра, создадим свою независимую державу со своим Хуралом и со своим президентом. И Царь нам больше не указ!

-Но это же приведет к развалу государства!- прошептал Конек- Горбунок. - Это же измена!

Ответственный провинциальный чиновник хитро посмотрел своим азиатским взглядом на подполковника, как на наивного ребенка:

-Какая же это измена? Кому? Мы этот процесс называем национально-освободительным движением. Наш маленький, но гордый народ, который я тут представляю, веками стремился к независимости и духовному возрождению. Да мы еще при Царе Горохе хотели иметь собственную государственность. Но тогда наши помыслы и чаяния вы потопили в крови!

-Мы?

-Ваша организация преступна!- ответственный провинциальный чиновник заиграл желваками. - Вы уничтожили весь род Ходжи Насреддина! Вы погубили Али Бабу и сорок его братьев! Вы вырезали всю семью Алладина! Тысяча и одна ночь! Не только наш маленький, но гордый народ жаждет

независимости, но и все пятнадцать народов этой, доживающей последние дни державы!

Ответственный провинциальный чиновник вдруг резко исчез, будто испарился в толпе других не менее ответственных провинциальных чиновников.

Мимо по лестнице вольготной походкой барина

спускался Колобкаускас. С ним Конек- Горбунок учился в одной разведшколе на Холодном побережье. И они даже были дружны какое-то время.

-Привет, Колобскаускас!

-Из-вин-ни, Гор-бун-нок,- затараторил полковник Колобскаускас,- я оч-чень спеш-шу на засед-дан-ние национ-наль-ного фрон-нта.

Другие ответственные провинциальные номенклатурщики сбивались в стайки по национально-рассовому принципу и что-то возбужденно обсуждали. Стоило Коньку-Горбунку приблизиться к какому-нибудь междусобойчику, заговорщики тут же прекращали энергично вращать руками, глазами и разговаривать вслух. Они с лютой ненавистью смотрели на подполковника и замолкали.

Конек Горбунок мокрой спиной понял, что пора покидать ряды этой номенклатуры.

Журнал « БАЛАГУР »
приглашает к сотрудничеству
авторов юмористических рассказов
повестей и стихов. Сатира
приветствуется!
E- mail: gorban-vladimir @ inbox. Ru

Анекдоты от Сергея Сердюкова

все нормально. Масло заливается в бачок омывателя лобового стекла.

* * *

4. Архангел у входа в рай, встречая партию вновь прибывших женщин, говорит им:

-Пусть те из вас, кто изменял мужу, сделают шаг вперед.

Девять из десяти выходят.

Архангел обращается к Всевышнему:

-А с глухой что делать будем?

* * *

5. Один мужик спрашивает другого:

-Ты почему разводишься с женой?

-Представляешь, ее всю ночь не было дома. Она говорит, что ночевала у сестры!

-Ну, и что?

-Врет, зараза! У ее сестры ночевал я!

1. Приходит блондинка на исповедь.

-Грешна я, батюшка, каждое утро смотрю на себя в зеркало и думаю: Ну, до чего же я красива!

-Это не грех, дочь моя, это заблуждение...

* * *

2. Тучная дама пришла на прием к врачу. Он ее спрашивает:

-Вы таблетки для похудения пьете?

-Пью,- грустно отвечает дама.

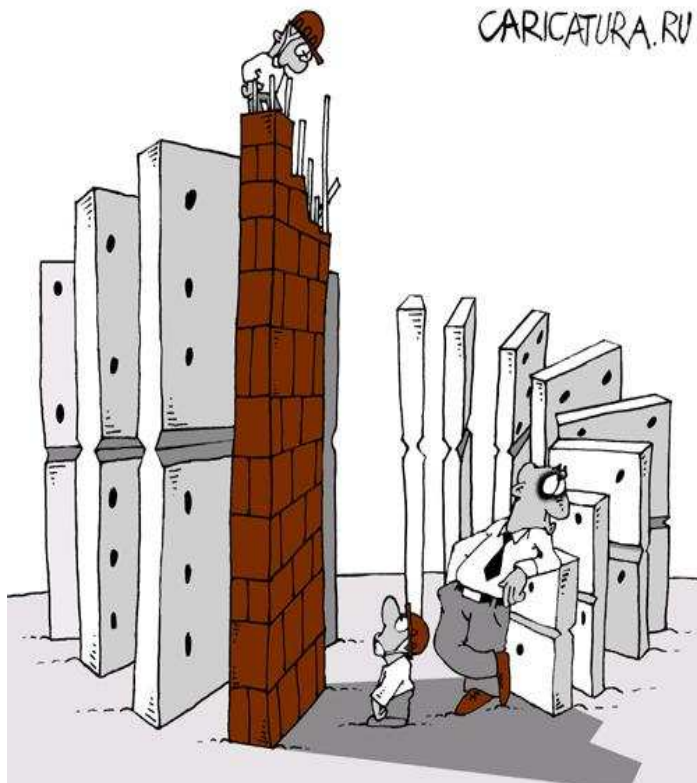
-А сколько?

-Сколько! Сколько! Да пока не наемся!!!

* * *

3. Два друга разговаривают:

-Представляешь! Иду по улице, вижу, блондинка в двигатель автомобиля масло доливает. Удивился сильно. Подхожу ближе –

ГОРОСКОП от СЫСОЯ на ОКТЯБРЬ

ОВЕН (21 марта-20 апреля)

Отличный результат принесут дела, которые вы давно запланировали. Обновите запас продуктов в своем бомбоубежище, проверьте, не отсырел ли порох в пороховницах, не жмет ли противогаз, не короток ли бронезилет.

ТЕЛЕЦ (21 апреля-20 мая)

В октябре будут удачными самые легкие занятия: запуск китайских воздушных змеев, раскладывание пасьянсов, надувание мыльных пузырей, рассматривание трещин на потолке, чтение юмористических журналов.

БЛИЗНЕЦЫ (21 мая-21 июня)

Смело берите лукошко, корзинку, туесок, ведро, рюкзак, авоську, портфель, чемодан, дипломат или какую-нибудь еще тару и шагайте в ближайший лес. Опята, дуньки, груньки, мухоморы и поганки уже созрели и с нетерпением ждут вас.

РАК (22 июня-22 июля)

В этом месяце вы преуспеете в карьере и любви. Позаботьтесь о привлекательном имидже, бросьте хотя бы на время курить и спорить с коллегами о течении мирового экономического кризиса. Примерно в конце октября вам отдадут все долги.

ЛЕВ (23 июля-23 августа)

Удовольствие принесут обычные житейские дела: прогулки на яхтах, спуски на горных лыжах в швейцарских Альпах, походы в рестораны, тайский массаж, покупка недорогого вертолета и прочие приятные мелочи жизни.

ДЕВА (24 августа-22 сентября)

Октябрь – очень благоприятный месяц для решения повседневных проблем. Не спешите делать скоропалительные выводы и вообще старайтесь побольше свободного времени проводить на свежем воздухе. По данным ООН эпидемия свиного гриппа пошла на спад.

ВЕСЫ (23 сентября-23 октября)

В этом месяце вы сможете существенно улучшить свое материальное положение, если вам удастся отыскать клад, получить богатое наследство, выгодно жениться, поймать золотую рыбку или выиграть в лотерею Джек пот.

СКОРПИОН (24 октября-22 ноября)

Лучше всего вам будет удаваться творческая работа на результат в надежной команде единомышленников. Закончилось время вам разбрасывать камни, пусть этим неблагодарным делом займутся другие. В конце месяца вас ждет грандиозный успех.

СТРЕЛЕЦ (23 ноября-21 декабря)

В этом месяце звезды на вас обиделись. Попросите у них прощения. Среди звезд наиболее влиятельны Алла Пугачева, Максим Галкин и Иосиф Кобзон. Мнением остальных в октябре можно пренебречь.

КОЗЕРОГ (22 декабря-20 января)

Как и в предыдущем месяце звезды обещают вам свое мощное покровительство. Как и в прошлом месяце звезды вас обманут. А все из-за того, что вы слишком мало доверяете своим друзьям и близким.

ВОДОЛЕЙ (21 января-19 февраля)

Если в кране нет воды, значит, выпили... водолеи. Не бойтесь трудностей, которые поджидают вас в этом месяце. Трудности закаляют характер и воспитывают волю к победе. А воля к победе и бойцовский характер способны творить чудеса!!!

РЫБЫ (20 февраля-20 марта)

В этом месяце вы преуспеете в решении производственных, семейных и финансово-экономических проблем. Брать кредиты и залезать в долги звезды категорически не советуют. Следует не забывать о правильном питании. И никакой ухи!

